

ФЕНОМЕН ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ЭТНИЧНОСТИ: СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕМЫ

В работе обобщены распространенные подходы к исследованию институционализации этничности. Показано, что, хотя они в достаточной степени отражают институциональные аспекты закрепления этничности в политическом курсе, ими не может быть описан весь спектр механизмов инкорпорации этничности в политический процесс. Предложены теоретико-методологические расширения, заключающиеся в установке на широкую трактовку института, опоре на понимание институционализации как процесса непрерывной трансформации под воздействием внеинституциональных факторов и ориентации на разные с точки зрения этнического состава регионы, которые по мнению автора могут быть полезны для развития темы институционализации этничности.

Ключевые слова: институционализация, институционализация этничности, политизация этничности, этническая идентичность.

Темы этничности и политики (в самом широком понимании) очень часто соприкасаются, продуцируя дискурсы, связанные с феноменами власти и подчинения, равенства и неравенства, прав и обязанностей, публичности и скрытости (невидимости). Согласимся с коллективом авторов под руководством Л.М. Дробижевой, которые считают, что «этнический фактор все больше влияет на современное общество. Участие в управлении, доступ к власти этнических групп – один из важнейших факторов равенства национальностей и стабильности в стране, гарантия межнационального согласия в полиэтничном регионе», в то время как «отстранение от участия во власти на региональном и местном уровне, также, как и на общефедеральном, провоцирует противоречия и напряженность» [17. С. 118].

Одним из способов сопряжения тем этничности и политики является выход на феномен институционализации этничности, который получил достаточно широкое распространение в академических исследованиях. Как правило, интерпретация этого феномена в социально-философском ключе включают его осмысление в пределах институциональных аспектов закрепления этничности в политическом курсе [22; 9]. Дисциплинарную ориентацию таких исследований достаточно сложно определить однозначно: часто они сочетают историческую реконструкцию и социологическое теоретизирование [16], направлены на политологический анализ этнических процессов [18], выявляют статус правовых аспектов этнических феноменов [1] или посвящаются анализу этнополитического фактора на примере конкретного региона (или нескольких территорий в сравнительной перспективе) [11] и т.д.

Теоретико-методологические основания многих исследований, посвященных институционализации этничности, в значительной степени обобщая, можно свести к институциональному подходу и теории сетей. Так, институциональный (и неоинституциональный) подходы позволяют определить значение этничности как политического фактора через степень ее институционализации посредством таких агентов, как государственные структуры, общественные движения, этнические активисты и др. [10]. В отличие от институционального, сетевой подход сосредотачивает внимание не на субъектах институционализации, а на каналах взаимодействия между ними, выявляя характеристики политических сетей. Результатом такого рассмотрения может стать описание как иерархизированной бюрократической системы, так и многообразных гибких, но относительно устойчивых сетей этнополитического взаимодействия [1. С. 15].

Практически весь дискурс институционализации этничности построен на конструктивистском и связанном с ним инструменталистском подходах. Такая оптика позволяет авторам утверждать, что «этнические группы и нации не являются заранее заданными и статичными формами человеческого коллектива», а поэтому «не могут быть непреодолимым источником укоренившейся потребности индивида в принадлежности». В рамках такого подхода для авторов очевидно, что «этничность и нация – это не то, чем их часто представляют – набор специфических культурных требований, – а нечто совсем иное: политически мотивированные формы социального действия» [24. С. 157]. В этой связи внимание исследователей заостряется на способах, «посредством которых элиты стимулируются к созданию институтов, продвигающих определенный тип идентичности» и механизмах, при помощи которых «институциональные структуры используют различные средства для продвижения желаемой идентичности» [20. С. 5]. Таким образом, в фокусе исследовательского внимания находятся институализированные взаимоотношения, агентами которых являются этнические элиты или антрепренеры.

Часто фиксацию параметров институционализации этничности проводят на основе power-sharing модели А. Лейпхарта, которая отражает инкорпорацию этнических групп в государственные структуры для обеспечения оснований консociонального демократического устройства [23]. В определении конкретных маркеров институционализации этничности видится эвристичной ориентация на схемы, развитие и апробированные в исследованиях М.В. Назукиной. Она рассматривает три основных канала институционализации этничности: символический (здесь фиксируется инкорпорирование этничности в символику регионов, топонимику, праздники, брендинг и т.д.); нарративно-мифологический (присутствие этничности в доминирующих нарративах и мифологемах региона) и нормативный (здесь речь идет о нормативно закреплённых стратегиях, планах и прочих официальных документах) [7].

Отмечая актуальность, теоретико-методологическую проработанность и практическую значимость упомянутых и других исследований, посвященных институционализации этничности, отметим несколько наш взгляд значимых проблем, которые могут ограничивать исследование темы, а также обозначим пути их решения, кажушиеся нам уместными.

Первая проблема характеризует методологический аппарат, на основе которого выстраивается логика исследований институционализации этничности, а именно, касается широкого и узкого определений центрального для этих изысканий понятия «институт». Так, исследования часто строятся на узком понимании института как «правового и организационного закрепления сложившихся в обществе форм поведения, отношений и т.д.», в то время как дополнительные опции, открываемые широкой трактовкой института как «образования стабильных образцов социального взаимодействия, основанного на формализованных правилах, законах, обычаях и ритуалах» [5], зачастую остаются не достаточно раскрытыми. Мы считаем, что, хотя широкая трактовка существенно усложняет предмет исследования, она открывает значительные перспективы для социально-философского теоретизирования и проверки выдвинутых гипотез в широком поле социальной жизни, а потому эвристична.

В этой связи актуален поиск методологического основания, которое позволило бы подойти к рассмотрению институтов с позиции их широкого понимания. С нашей точки зрения это означает, прежде всего, отказ от понимания института как статичной, завершенной структуры и перенос внимания на процесс трансформации и изменения институтов под влиянием внеинституциональных факторов. Для этой цели нам кажется подходящей концепция, которую развивает известный британский и американский макросоциолог-неовеберианец М. Манн [12]. Он объясняет механизм институционализации через многообразие социальных отношений, возникающих «вокруг наиболее мощных организационных средств», которые постепен-

но упорядочиваются, объединяясь в «широкие институциональные сети детерминированных стабильных форм» [6. С. 49]. Особенный интерес в теории М. Манна представляет концептуализированный им феномен интерстициального возникновения, который он понимает, как превращение человеческих целей в организационные средства, результатом чего является возникновение конкурирующих конфигураций в рамках существующих институционализированных сетей. Именно интерстициальные процессы обеспечивают трансформацию существующих институтов и смену устаревших на новые. При этом основным двигателем социальных изменений М. Манн видит не институт, а целеполагающего человека. Он подчеркивает, что люди являются социальными, а не социетальными существами, тем самым расширяя исследовательское внимание между изучением упорядоченных и стабильных институционализированных взаимодействий и рассмотрением социальных и микросоциальных, которые, хотя и включают в себя рациональное начало, но часто могут быть спонтанными, непреднамеренными и неожиданными. Проще говоря, подход М. Манна предполагает, что основы для интерстициальных изменений, способных впоследствии существенно преобразовать упорядоченные социальные институты, закладываются на низовом уровне взаимодействий.

В пользу того, что описание исключительно институализированных взаимодействий не дает полного понимания процессов, связанных с ролью этничности в политике, можно привести несколько тезисов: прежде всего, современность демонстрирует растущую популярность различных общественных движений, с особенной остротой выносящих вопросы самоопределения, в том числе расового и этнического, в область политической рефлексии. Такие движения могут возникать спонтанно, вовлекать в свою орбиту значительное число людей и оказывать влияние на политический процесс несмотря на то, что далеко не каждый эпизод получает институциональное оформление [13]. Это приводит к размыванию четких границ между институциональным и внеинституциональным воздействием. Далее, мы согласны с Г.Н. Юсуповой и К.А. Озеровой в том, что «микросоциальные практики, такие как потребление этнических продуктов, говорение на региональных языках и прослушивание этнической музыки, служат основой для возникновения национальной идентичности с политическим сознанием» [19. С. 157]. Это означает, что именно на уровне повседневных взаимодействий формируется среда, этнизирующая и политизирующая идентичность. Именно такая среда, на наш взгляд, становится субстратом институционализации этничности, направленной «снизу-вверх». Такой подход способен ввести новый ракурс в рассмотрение феномена институционализации этничности, и учитывать одновременно как ее макро-уровень, который включает узкое понимание института как организационно закреплённых форм отношений, так и микро-уровень социальных взаимодействий, являющих-

ся основной как поддержки, так и трансформации институтов, что тяготеет к широкой трактовке и существенно расширяет поле практического наблюдения за феноменом институционализации.

Вторая проблема имеет отношение к пространственной привязке ряда практических исследований институционализации этничности. В отечественной социогуманитаристике этот феномен зачастую рассматривается на примере так называемых «национальных» регионов. Представляется, что такой подход отчасти наследует оптику, сложившуюся еще в советский период истории нашей страны, когда наиболее активно проекты институционализации этничности реализовывались в тех локусах, где была велика доля «коренного» населения и где требовалось провести «национально-территориальное размежевание». Обосновывая актуальность создания концептуальной теоретической модели, объясняющей процесс институционализации этничности на примере национальных республик, М.В. Назукина говорит о том, что «Данная проблематика актуализирована для российских республик, в которых потенциал конфликтности значителен, а запрос на поиск рецептов грамотного управления символической сферой, выстраивания баланса интересов и множественных идентичностей занимает принципиальное место в политической стратегии власти» [8. С. 79].

Соглашаясь с приведенным тезисом, позволим себе отметить, что такая избирательность внимания исследователей продуцирует ситуацию некоторой исключенности других, «не национальных», а образованных по территориальному признаку регионов из области научной рефлексии. На наш взгляд, актуальность этнического фактора высока для любой территории, вне зависимости от истории ее формирования и мозаичности этнического состава населения. Согласимся с Е.А. Ерохиной, которая не делает разграничения между регионами Российской Федерации по вопросу актуальности или второстепенности для них разработки стратегий этнонациональной политики и ратует за дифференцированный по региональному признаку подход в этом вопросе: «проведение продуманной, целенаправленной, ответственной национальной политики предполагает ее адаптацию к конкретным условиям и должно осуществляться не только на федеральном уровне, но и на уровне субъектов федерации, а также муниципалитетов, особенно крупных. При этом очевидно, что без учета региональных особенностей государственная национальная политика не может быть достаточно эффективной» [14. С. 58]. Такая исследовательская установка может быть расширена и дополнена: в регионах с преобладающим русским населением, где «этнический вопрос», казалось бы, не стоит столь остро, задача гармонизации межэтнических отношений не является менее важной, чем в национальных республиках, а процессы институционализации этничности тоже идут, пусть и не столь ярко, но с присущей им спецификой, выявление которой, на наш взгляд, является актуальной задачей.

Третье ограничение касается теоретической базы, фундамирующей большинство исследований институционализации этничности. Как было показано, в основном они строятся на конструктивистском и инструменталистском подходах, что соответствует академическому канону большинства работ, обращающихся к теме этничности. Однако, по нашему мнению, такая ситуация приводит к существенным ограничениям, порождая «неспособность включить в единый концептуальный каркас факторы устойчивости и изменчивости этнических границ и этнических идентичностей, многообразие социальных, политических и культурных контекстов и функций этничности, различие и преемственность исторических и современных форм этнического» [2. С. 165]. Согласимся с З.В. Сикевич в том, что «каждый из указанных подходов затрагивает какую-то важную грань этничности, однако не объясняет ее полностью. «Примордиалисты» не способны объяснить различную интенсивность этничности в разный период времени, а «инструменталисты» и «конструктивисты» становятся в тупик перед интерпретацией ее устойчивости и сохранения» [15. С. 45]. В этой связи пренебрежение объемом знания, накопленного в рамках примордиализма, существенно ограничивает объяснительные способности исследователя.

Мы полагаем, что значительным потенциалом обладают так называемые синтетические подходы, объединяющие установки примордиализма, конструктивизма и инструментализма. К ним можно отнести, например, аскриптивный подход, развиваемый Э.Дж. Теллисом, Т.С. Зайна и Дж.Э. Уиннфелдом. Подход наследует идеи М. Вебера и в его рамках этнические группы рассматриваются одновременно и как реальные (реверанс в сторону примордиализма), и как сконструированные (здесь очевидно влияние конструктивизма). Это возможно за счет исходной установочной посылки, что члены этнических групп субъективно разделяют убеждение об общем происхождении по причине схожести физических черт и традиционных практик и обычаев. При этом существование этнических групп не с необходимостью предполагает социальное действие, так как актуализация этничности и этническая мобилизация коренятся в базовых структурах доминирования и депривации в политической, экономической и социальной сферах общественной жизни [21].

Суть нашей исследовательской позиции состоит в понимании этничности как значимого солидаризирующего социального признака, а этнической группы – как общности, основанной на чувстве солидарности, подкрепленном ощущением членами группы своего сходства и отличности от других. В определении формы и степени реальности этнического, что является краеугольным камнем многих теоретических споров, нам близка философская позиция Р. Брубейкера. Не отказывая этническим феноменам в праве на реальное существование, он утверждает, что следует понимать, что речь идет о реальности иного рода, нежели реальность субстанционально сущего:

«этничность, раса и национальность являются по существу способами восприятия, интерпретации и представления социального мира. Они – не вещи-в-мире, а точки зрения на мир». Поэтому эти феномены содержат в себе «системы классификации, категоризации и идентификации – формальные и неформальные. И они включают подразумеваемое, само собой разумеющееся фоновое знание, воплощенное в людях и встроенное в институциональную рутину и практики, через которые люди осознают и воспринимают предметы, места, лиц, действия и ситуации как этнически, расово или национально окрашенные или значимые» [3. С. 42]. Именно поэтому разделяемая причастность к этнической группе способна побуждать и к эмоциональным, и к рациональным действиям. В этой связи мы полностью разделяем положение Д. Горовица о том, что манипуляция этничностью привлекательна для тех, кто хотел бы воспользоваться ею в своих целях, но одновременно возможности элит управлять этническими группами не безграничны [4. С. 29]. В рамках такой позиции допустимо рассматривать как примордиалистские, так и конструктивистские и инструменталистские взгляды на природу этничности и факторы ее институционализации.

Мы попытались обобщить наиболее распространенные подходы и практики исследования институционализации этничности. В то же время мы уверены, что хотя они и позволяют представить этнические группы в качестве сегментов политики, ими не могут быть исчерпаны все способы и механизмы инкорпорации этничности в политический процесс. В этой связи предлагаемые нами теоретико-методологические расширения, заключающиеся в установке на более широкую трактовку понятия «институт», опоре на понимание институционализации как процесса непрерывной трансформации под воздействием интерстициального возникновения, сопряжении микро-социальных практик и институционализированных процессов и ориентации на разные по этническому составу регионы, как представляется, могут быть полезны для дальнейшего развития темы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Богомолова И.Г.* Политико-правовое регулирование региональными этнополитическими процессами (на примере Карачаево-Черкесской республики и Ставропольского края). Автореф. дисс. канд. политол. н. Ставрополь, 2006.
2. *Боров А.Х., Думанов З.Б.* Теории этничности и этнических конфликтов: современные тенденции // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2013. № 5 (55).
3. *Брубейкер Р.* Этничность без групп / пер. И. Борисовой. М.: Изд-во ВШЭ, 2012.
4. *Горовиц Д.Л.* Структура и стратегия этнического конфликта // Власть. 2007. № 2.

5. Институт / Энциклопедия социологии. Сост. Антипази А. // <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/socio/index.htm>.

6. Манн М. Источники социальной власти. История власти от истоков до 1760 года н.э. М.: РАНХиГС, «Дело», 2018. Т. 1.

7. Назукина М.В. Маркеры этничности в региональной идентичности республик России // Регионология. 2018. № 4.

8. Назукина М.В. Институционализация этничности в политике идентичности российских республик: концептуальный анализ // Полис. Политические исследования. 2020. № 3.

9. Назукина М.В., Филиппова Е.Ю. Поздравительный дискурс «Дня республики» как компонент региональной политики идентичности: этничность имеет значение? // Ars Administrandi (Искусство управления). 2019. Т. 11. № 3. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-3-345-359.

10. Осипов А.Г. Механизмы институционализации этничности / Фадеева Л.А., Осипов А.Г., Пономарев С.В., Подвинцев О.Б., Горшков А.С., Красникова Л.М., Данилова Г.А., Назукина М.В., Сулимов К.А., Кравченко П.В., Пунина К.А., Семененко И.С., Шевцова И.К. Сообщества как политический феномен. М.: Издательство «Политическая энциклопедия», 2009.

11. Панов П.В. Структурные факторы институционализации этничности в политике «национальных республик» Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Политология. 2019. Т. 13. № 4. DOI: 10.17072/2218-1067-2019-4-5-18.

12. Персидская О.А. Когерентность социальных процессов в топиках социального порядка и беспорядка: к концепту интерстициального возникновения // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. DOI: 10.17223/15617793/471/9.

13. Персидская О.А. Политизация этничности: теоретический разворот в концептуальной трактовке феномена // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 10 (74). DOI: 10.35775/PSI.2021.74.10.002.

14. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Ерохина Е.А., Мадюкова С.А., Персидская О.А., Гончарова Г.С., Мархинин В.В., Удалова И.В., Костюк В.Г. Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири / отв. ред. Попков Ю.В. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015.

15. Сикевиц З.В. Влияние этнического фактора на современное общество и человека // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 2.

16. Соколовский С.В. Институты и практики производства и воспроизводства этничности // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. М.: «Наследие ММК», 2005. Вып. 11.

17. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Academia, 2002.

18. Этнополитология: Политические функции этничности. Учебник для вузов. 3-е изд. / Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. М.: Изд-во МГУ, 2019.

19. Юсупова Г.Н., Озерова К.А. Культурные этнические инициативы и (де)политизация этничности в России // Социология власти. 2021. № 33 (2).

20. Dewar J.L. Engineering an Ethnic Mosaic: The Institutionalization of Civic Nationalism in Kosovo, Israel, and the West Bank // CUREJ: College Undergraduate Research Electronic Journal. 2020. No 2 // <https://repository.upenn.edu/curej/236>.

21. Identifying Potential Ethnic Conflict: Application of a Process Model / ed. by T. Szayna. Santa Monica: Rand, 2000.

22. Lieberman E.S., Singh P. The Institutional Origins of Ethnic Violence // Comparative Politics. 2012. Vol. 45. No 1. DOI: 10.2307/41714169.

23. Lijphart A. The Wave of Power-sharing Democracy / The Architecture of Democracy: Constitutional Design, Conflict Management, and Democracy. Reynolds A. (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2002.

24. Malešević S. Identity as Ideology: Understanding Ethnicity and Nationalism. London: Palgrave Macmillan, 2006.

O.A. PERSIDSKAYA

Junior Researcher

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia*

THE PHENOMENON OF INSTITUTIONALIZATION OF ETHNICITY: SOCIO-HUMANITARIAN INTERPRETATIONS AND POSSIBLE DIRECTIONS FOR THE DEVELOPMENT

The paper summarizes the most common approaches to the study of the institutionalization of ethnicity. It is shown that, although they fully reflect the institutional aspects of fixing ethnicity in the political course, they cannot describe the entire spectrum of mechanisms for the incorporation of ethnicity into the political process. Theoretical and methodological extensions are proposed, which consist in setting in a broad interpretation of the institution, relying on the understanding of institutionalization as a process of continuity of transformation under the significance of extra-institutional factors and orientation to regions that are different in terms of ethnic composition.

Key words: institutionalization, institutionalization of ethnicity, politicization of ethnicity, ethnic identity.